

ПСИХОЛОГИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

Н.С. Седых

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПОДГОТОВКЕ ТЕРРОРИСТОВ-СМЕРТНИКОВ

Аннотация. В статье анализируются особенности информационно-психологического воздействия, организуемого экстремистами с целью вовлечения в террористическую деятельность молодёжи и психологической подготовки к совершению «суицидального» теракта. В данном контексте средства массовой коммуникации рассматриваются как дискурсивная система, участвующая в производстве и воспроизводстве типизированных значений. Наряду с этим рассматриваются особенности виртуальной реальности, её роли в социальном конструировании феномена терроризма и репрезентации деятелей его олицетворяющих. В этой связи анализируются психологические приёмы, используемые для преодоления страха смерти у тех, кого готовят к тому, чтобы стать «живой бомбой». Обозначается необходимость оптимизации информационно-психологического противодействия идеологии экстремизма и терроризма в конкретных социально-исторических условиях. В данном контексте рассматриваются возможности массовой коммуникации в формировании антитеррористических ценностей в российском обществе. Актуализируется вопрос развития педагогической журналистики, призванной формировать социальные ценности, убеждения и воздействовать на мотивационную сферу личности. В контексте проблематики организации информационно-психологического воздействия экстремистами и осуществления соответствующего противодействия также рассматриваются возможности светского и религиозного образования.

Ключевые слова: терроризм, террорист, общество, коммуникация, информационно-психологическое воздействие, конструирование, реальность, дискурс, пропаганда, противодействие.

Терроризм в настоящее время «революционирует» в новый вид глобальной войны¹. В этой связи важно отметить, что к ключевым признакам современного терроризма относится то, что цели террористического акта выходят за пределы причиняемого им разрушения, причинения телесных повреждений, смерти. Цели террористического акта до-

стигаются путём психологического воздействия на лиц, не являющихся непосредственными жертвами насилия². В этой связи красноречив тезис Р. Инглхарта, исходящего из того, что «западный человек» достиг «фактического состояния безопасности». «Что же произойдет с этим человеком, если он лишится элементарной физической

¹ Терроризм в современном мире. 2-е изд. / под ред. В.Л. Шульца; Центр исследований проблем безопасности РАН. М.: Наука 2011. С. 10.

² Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология, проблемы, организация, практика, профилактика и противодействие. Рук. авт. колл. А.-Н.З. Дибиров, Г.К. Сафаралиев. Махачкала, 2009. 640 с.

Статья подготовлена в рамках реализации Программы развития Южного Федерального университета на период до 2021 г. в целях повышения конкурентноспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров («Гуманитарные технологии и модели развития толерантных отношений и формирования антиэкстремистских ценностей в молодёжной среде в полиэтническом и поликонфессиональном регионе РФ»)

безопасности, гарантий выживания для самого себя и своих близких, если он со дня на день будет ждать смертельного удара по своей стране, городу, дому, нанесенного невидимым и неизвестным врагом?»³.

С точки зрения автора этой статьи под террористической агрессией следует понимать социально-нормированный коммуникативный акт, имеющий в рамках конкретной и дискретной ситуации деструктивную цель и призванный решить определённые задачи. К числу таких задач относится дестабилизация общества посредством порождением страха перед «лицом террора» у широкого круга лиц, и вместе с тем недоверия к демократическим режимам, не способным защитить граждан от терактов⁴. Террорист — смертник выступает в качестве своего рода психологического оружия, и, в сущности, представляет собой мину или снаряд, снабженный самым совершенным аппаратом для точного наведения, — человеческим мозгом. Поэтому таких террористов нередко называют «живыми бомбами». Важно отметить, что, по мнению радикальных идеологов, акции смертников должны получать мощную медиаподдержку, чтобы возложить ответственность за многочисленные жертвы среди мирного населения Запада на правительства государств, поддерживающих США в их всемирной борьбе с терроризмом. В то же время известный идеолог экстремизма, А. Гадан убеждён, что даже неудавшийся теракт, имеет значительный эффект, поскольку вынуждает власти тратить огромные средства на дополнительные меры безопасности и тем самым провоцирует панику среди жителей западных мегаполисов⁵. Прежний руководитель ХАМАС Абд аль-Азис ар-Рантси подчёркивал: «Акции смертников вселяют ужас в сердца врагов, что является одной из причин поражения...». Вместе с тем, по словам известного исламиста аз-Заркауи Аймана аз-Завахири, «мы на войне, где более половины места занимает медиавойна за сердца нашей Уммы»⁶. Уточним, что исламизм является идейным течением в мусульманской мысли новейшего времени и основывается на представлении о необходимости утверждения в обществе и государстве в определённых политических границах или в

планетарном масштабе господства всеобъемлющего исламского комплекса правил поведения — шариата. В то же время исламский экстремизм рассматривается как крайнее идейно-политическое течение в исламе, провозглашающее своей главной целью установление исламских форм государственной власти путем использования различных видов вооружённого и политического насилия⁷.

Необходимо подчеркнуть, что развитие экстремизма и терроризма как его действенного продолжения тесно связано с развитием массовой коммуникации. Это во многом обусловлено тем, что, массовые коммуникации выступают активным элементом идейно-политической системы общества. Коммуникация является основным социальным процессом современности, главным способом формирования социального пространства и времени, основным механизмом социального управления — и в итоге выступает как творец «новой социальности». Информация как глобальная ценность содействует освоению и преобразованию окружающего человека мира, помогает ему в формировании жизненных ценностей, политических предпочтений. Мировосприятие человека в наше время, в том числе и государственно-правовая реальность, предстаёт в виде иерархии информационных моделей и систем. В связи с этим задача адекватного управления обществом в условиях постиндустриальной эпохи требует перехода с административного на коммуникативное поле. В такой ситуации задача удержания власти предстаёт как коммуникативная задача⁸. Заметим, что основная функция массовой коммуникации как социального института состоит в постоянном и повсеместном воспроизведении системы существующих в обществе отношений. В том числе за счёт вовлечения в эту систему каждого индивида. В то же время массовая коммуникация, по мнению Д.В. Ольшанского, есть среда формирования, распространения и функционирования различных образцов восприятия, мышления, поведения⁹.

Интенсивное развитие массовой коммуникации и усиление её роли как регулятора общественной жизни эксплуатируется современными радикальными деятелями для достижения социально — политических целей. Сегодня интернет активно используется экстремистами как средство коммуникации, пропаганды, вербовки, так как позволяет осуществлять то, что

³ Цит по: Горбачев М.С. и др. Грани глобализации: трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 333.

⁴ Седых Н.С. Современный терроризм с точки зрения информационно-психологических угроз // Национальная безопасность. 2012. № 2 (19). С. 68-75.

⁵ Нечитайло Д.А. Современный радикальный экстремизм: стратегия и тактика / отв. ред. В.Л. Шульц; Центр исследования проблем безопасности РАН. М., 2011. 431 с.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / пер. с фр. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 231 с.

⁹ Ольшанский. Д. В. Политический пиар. СПб, 2003. С. 312.

Д. Деннинг назвала «управление восприятием — то есть террористы могут позиционировать себя точно такими, какими хотят казаться, без фильтров, налагаемых традиционными СМИ»¹⁰. В частности, идеологи террористических движений сегодня призывают к медиаджихаду, утверждая, что его следует рассматривать как равный по своей значимости войне с оружием в руках, и он может составлять 90% от общих усилий. В настоящее время в интересах всемирного джихада действует около 5600 сайтов, причём каждый год открывается около 900 новых¹¹. Рассмотрим некоторые особенности конструирования экстремистских сайтов. Они выстроены преимущественно по модели сайтов легитимных политических движений и партий, поэтому основное внимание уделено описанию дела, за которое борются террористы. Вместе с тем большая часть наполнения сайтов террористических организаций состоит из справочных материалов, в первую очередь, по истории движения¹². Следует обратить внимание, что при позиционировании собственной деятельности экстремисты широко используют, так называемый, «язык ненасилия». Они демонстрируют, что ищут мирные средства, стремятся к дипломатическим решениям. Членов своих организаций представляют как борцов за свободу, продвигающих идеи социального благополучия и нравственного оздоровления общества посредством реализации глобалистского проекта — создания всемирного исламского государства. В то же время силовые действия правительств характеризуются как насильственные, употребляются слова «убийства», «пытки» и подобные. Например, на одном из форумов было размещено письмо известного идеолога «Аль-Каиды» Мухаммада Хасана (известного под именем Шейх Абу Яхья аль-Либи, который сбежал из американской тюрьмы в Баграме в Афганистане в июле 2005 г.), в нём он рассказывает о способах перевозки заключённых, методах пыток, способов допросов, используемых американцами. В разделе «Как противостоять на допросах» содержится подробная инструкция о том, как выдержать пытки, как воздействовать психологически на следователей¹³. Соответственно, такая тактика позиционирования силовых

действий правительств позволяет переложить ответственность с самих террористов на тех, кто им противостоит. Это также способствует формированию дихотомического взгляда на окружающую социально — политическую реальность и развитию стереотипного мышления в категориях «мы-они».

Следует заметить, что сходные пропагандистские приёмы использовались в нацистской Германии. Например, при информировании населения об убийствах евреев использовались слова «борьба за чистоту расы», «уничтожение», «доведение до окончательного решения» и подобные. Заметим, что пропагандистская машина нацистов была, прежде всего, ориентирована на идеологическую мобилизацию молодёжи. В результате целенаправленной деятельности к концу 1930-х годов, согласно данным историков и социологов, наиболее типичным сторонником нацизма являлся молодой человек в возрасте от 18 до 26 лет¹⁴. Отметим, что представители антитеррористических ведомств констатируют: в настоящее время инициатива перешла к молодому поколению исламистов¹⁵. Р.Ф. Патеев, исламовед, кандидат политологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии факультета социологии и политологии Южного федерального университета, директор автономной некоммерческой организации «Центр эффективных стратегий» (г. Ростов-на-Дону), в ходе глубинного интервью, проведённого автором этой статьи, прокомментировал, что ориентация на молодёжь при пропаганде радикальных идей во многом обусловлена тем, что: «Зрелого человека, который имеет жизненный опыт и понимает сложность и противоречивость социальной реальности вряд ли можно привлечь утопическими лозунгами. Однако молодые люди, пытающиеся определиться в этой сложной жизни, всегда ищут пространство для самореализации. Это своего рода идеальный мир, где они обретают новые цели в своей жизни и единомышленников. Они практикуют общую систему ценностей, у них одинаковые культурные образцы и стереотипы поведения».

Вместе с тем, как показали исследования, проведённые автором данной статьи, лидерами террористических движений эксплуатируются возможности современного информационного пространства в целях идеологической мобилизации молодёжи. Это осуществляется посредством специальной пропаганды, основанной на развитии социальной

¹⁰ Denning D.E. Assessing the computer network operations threat of foreign countries // Information strategy and warfare. Ed. by J. Arquilla, D.A. Borer. New York — London, 2007. P. 31.

¹¹ Pool J. New Forum Postings Caal for Intensified Elecktronicjihad against Government Websites. 2005. Vol. 3 / Issue 8. 29 August 2012.

¹² Tsafiti Y., Weimann G. www.terrorism.com: Terror on the Internet // Studies in Conflict & Terrorism. 2002. Vol. 25. P. 317-332.

¹³ Атыялла Л. Аль-Иджма ва Мафхума фи-ш-Шариапль-Исламия (www.dawh.net/vb/showthread.theadid?php=12125).

¹⁴ Кунц К. Совесть нацистов. М., 2007. 246 с.

¹⁵ Нечитайло Д.А. Современный радикальный экстремизм: стратегия и тактика / отв. ред. В.Л. Шульц; Центр исследования проблем безопасности РАН. М., 2011. 431 с.

риторики, направленной на формирование «экстремистского сознания» и моральную легитимизацию насилия. Наряду с эти лидеры террористических движений используют различные пропагандистские и манипулятивные способы для того, чтобы развивать в Интернете — пространстве медиадискурс о терроризме таким образом, который способствует формированию соответствующих социальных представлений, позволяющих рассматривать террор как конструктивный способ социально-политических преобразований и личностной самореализации. При этом очевидна ориентация на социальные ожидания и потребности молодёжи. Это во многом определяет то, что лояльность к идеям исламизма и экстремизма сегодня обнаруживается среди представителей различных этноконфессиональных групп¹⁶. В этой связи актуален вопрос о специфических приёмах, используемых для того, чтобы сформировать морально-психологическую готовность к совершению «суицидального» теракта. Исламовед Р.Ф. Патеев, в ходе нашей беседы, подчеркнул, что: «В каждом конкретном случае, когда мы говорим о человеке, который решил перейти к террористической деятельности, мы имеем уникальную ситуацию. Сегодня можно найти много информации о таких биографиях, и сделать соответствующие выводы. Очевидно, что некоторые из этих людей не смогли получить хорошее образование, кто-то не сумел найти достойную работу и заработок. Некоторые не смогли найти общий язык со своими родителями, окружающими, друзьями, сверстниками, а кто-то так и не смог завести семью и устроить личную жизнь». Однако, по его мнению: «Человек, который собирается фактически совершить самоубийство, подорвав себя, вряд ли вообще будет мотивировать себя материальными соображениями». При этом он отметил, что: «Часто такие люди выбирают религию не только как сферу «общения с Богом», но как пространство новой самореализации. Если говорить о сообществах с влиянием субкультуры псевдоджихада, то вооружённая борьба в них воспринимается как «доблесть» и «престижное» дело. Человек в этом пространстве получает признание со стороны своих единомышленников. Это своеобразная ситуация приобретения символического капитала, о которой говорил французский классик современной социологии Пьер Бурдьё».

Необходимо подчеркнуть, что специфика терроризма как разновидности деструктивной человече-

ской деятельности заключается в том, что террорист совершает безличные убийства, то есть отношение к жертвам не имеет личностной окраски. По этой причине для него важны мотивировки: идейно-риторические конструкции, придающие террористической деятельности «высший смысл»¹⁷. Вместе с тем для того, чтобы человек был готов умереть, убивая других, ему недостаточно быть уверенным в моральной правоте своего дела, необходима идея, культивирующая самопожертвование и героизирующая тех, кто пошёл по этому пути. В ходе глубинного интервью, проведённого автором этой статьи с имамом соборной мечети одного из российских городов, он, рассуждая о том, что толкает молодых людей на путь самопожертвования, отметил: «Конечно, у каждого террориста есть своя личная причина, по которой он решился на этот шаг. Но обычно эти люди неправильно понимают некоторые основы ислама. В нашей религии есть термин «джихад» — это священная война, сражение на пути Аллаха, то есть, когда мусульманин сражается, чтобы основать шариатское государство. Пророк Мухаммед, обещал, что человек, который пал мученической смертью, в раю сможет получить наивысшую награду перед Аллахом». Заметим, что шариатское государство, по словам имама, — это «такое, которое живет по законам Аллаха, — проще говоря, идеальное. В нем люди должны жить в здравии, любви, дружбе, никто не должен в чем-либо нуждаться и тем более — кого-то ненавидеть». В тоже время имам подчеркнул, что «людей вводят в заблуждение», так как «джихад как вооружённая борьба направлен только против тех, кто агрессивен в отношении мусульман, воюет с ними и вынуждает их защищаться (на что Аллах нам дал право, как и любому человеку в опасности). Никак иначе. Тот, кто отдал жизнь, защищая свою религию, становится для нас «шахидом», героем-мучеником, и после смерти получает свою высшую награду. Но о ней даже мечтать не может тот, кто идет на убийство, ни в чем не повинных людей».

Заметим, что сходное мнение относительно того, что при вовлечении молодёжи в террористическую деятельность экстремисты искажаются некоторые традиционные трактовки религиозных постулатов, высказали молодые люди, уроженцы республик Северного Кавказа. В ходе фокусированного интервью, проведённого автором, один из респондентов отметил, что при оказании воздействия посредством Интернета — коммуникации и при личном обще-

¹⁶ Седых Н.С. Социально-психологические особенности вовлечения молодёжи в террористическую деятельность // Национальная безопасность. 2013. № 3 (26). С. 471-481. (DOI: 10.7256/2073-8560.2013.3.7956).

¹⁷ Седых Н.С. К вопросу о психологических последствиях терроризма // Психология и психотехника 2013. № 1. С. 101-130. (<http://e-notabene.ru/psp/>).

нии деятели, пропагандирующие экстремистскую идеологию, действуют следующим образом: «Для убеждения в своей правоте они часто используют хадисы Пророка, то есть то, что рассказывал Пророк. Но они берут и просто их не полностью приводят и получают, что смысл уже другой, в их пользу. Наряду с этим, искажают при переводе с арабского выдержки из Корана. Например, одно и то же слово имеет разное значение в зависимости от контекста. Его переводят без соответствующего контексту смысла. И получается интерпретация в их пользу. Также и в своих лекциях берут чуть-чуть изменяют, толкуют так, как им надо. И часто человек это почитавший, уже верит в измененное, а не в правильное»¹⁸.

Следует отметить, что ходе данного фокусированного интервью, и в ходе глубинных интервью, проведенных с экспертами, часто звучало имя Саида Бурацкого как одного из наиболее известных в молодёжной среде пропагандистов экстремистской идеологии. Это иллюстрирует, например, комментарий имама соборной мечети одного из российских городов, относительно того, что побуждает молодых людей участвовать в террористической деятельности: «Средний возраст таких людей, к примеру, уроженцев Дагестана, — уже от 14 до 22 лет. В этом тоже ответ на вопрос «что ими движет». Отсутствие опыта и чужая воля. Это очень молодые, юные ребята. В основном они искренне верующие, но были введены в заблуждение — например, посмотрелись на сомнительных сайтах разнообразных обращений Саида Бурацкого, Доку Умарова и прочих и попали под их влияние». Обратим внимание на количество просмотров соответствующих видеороликов, размещённых на «YouTube». Например, «Шахид Шейх Саид Бурацкий: наставления и напоминания», просмотров: 174 099; «Иншаллах шахиды» просмотров: 128 550; «Последний звонок муджахида» просмотров: 158 738; «Посвящается братьям» просмотров: 102077¹⁹.

В этой связи важно отметить, что Интернет является наиболее популярным средством общения и получения информации для молодёжи. Причём для определённого числа её представителей, их называют цифровым поколением, Интернет стал ведущим способом взаимодействия и главным фактором влияния на процесс формирования социальных суждений и убеждений. Компьютерная реальность рассматривается сегодня как тип виртуальной и обозначается

как опыт новой эпохи, обнаруживший способность к изменчивости без предела, лабильность, интуитивность и иррационализм самой человеческой природы. Активный пользователь Интернета ощущает его пространство как пространство без границ. В этом виртуальном мире всё возможно: начать всё сначала или создать будущее «...Шанс «жизни наоборот», обуславливается отсутствием точек невозврата, ... персонажи легко взаимозаменяемы. Они обладают сверхчеловеческими возможностями...»²⁰. Личность воспринимает себя создателем мира, имеющего статус онтологического. А все метаморфозы, случающиеся в нём с персонажем и временем, не отличаются от живых, то есть не являются вторичными. Однако многие из этих людей теряют способность к различию реальных артефактов и виртуальных, компьютерных и подлинных. Несмотря на то, что виртуальный образ является продуктом психической реальности, тем, кто много времени проводит в Сети и активно взаимодействует с помощью Интернет-коммуникаций, он порой кажется более живым, истинным, обладает собственной активностью и может оказывать регулирующее воздействие на поведение человека и даже вызывать физиологические ощущения. Это во многом обусловлено тем, что психологическая виртуальная реальность есть образ объективного мира. Этот виртуальный образ мира не может существовать самостоятельно и независимо от константной реальности, от сознания человека²¹. «Сознание всегда есть взгляд — наблюдатель — луч внимания, направленные вовне или внутрь. Сознание неизбежно рефлексивно: наблюдать можно и самого себя, можно составлять свой образ и судить о себе, можно быть предметом собственного рассмотрения. И это «можно» латентно пребывает в любом подлинном сознании. Луч внимания, повёрнутый вовне, всегда отвечает вовнутрь. Фоновое ощущение «Я» присутствует человеку, чем бы он ни был занят...»²².

Известно, что пропагандистское влияние на человека происходит скрыто, на эмоциональном уровне, вне его сознательного контроля. По этому принципу действуют организаторы исламистских Интернет-форумов. На одном из них рассказывается о последних минутах жизни смертника и там же размещён номер телефона его родителей, чтобы из разных стран их

¹⁸ Седых Н.С. Социально-психологические особенности вовлечения молодёжи в террористическую деятельность // Национальная безопасность. 2013. № 3 (26). С. 471-481. (DOI: 10.7256/2073-8560.2013.3.795).

¹⁹ URL: <http://www.youtube.com/watch?v=uXz8UukNCB0>.

²⁰ Маньковская Н.Б. Виртуалистика: художественно-эстетический аспект // Виртуалистика. Экзистенциальные и эпистемологические аспекты. М., 2005. 278 с.

²¹ Ярёмченко С.Н. Неоконченные дискурсы жизненных смыслов. Ростов-н/Д, 2007. 160 с.

²² Бондаренко Т.А. Трансформация личности в условиях виртуальной реальности. Ростов-н/Д, 2006. 204 с.

поздравили после совершения их сыном теракта²³. Показательным примером служит также следующий случай. В мае 2007 г. ведущий известного радикального форума по прозвищу «Моджахед 1988» обратился к многочисленным посетителям со словами: «Прощайте, Я люблю вас всех. Молитесь все за меня, чтобы я стал шахидом». Через некоторое время на форуме были размещены подробности гибели «Моджахеда 1988». Безусловно, обращение популярного ведущего одного из форумов находит отклик в молодёжной среде и обладает пропагандистским эффектом²⁴. Это во многом обусловлено тем, что СМК обладают неспецифической функцией — функцией присвоения статуса. В данном случае демонстрируется, что объект сообщения достоин быть выделенным из анонимной массы, его поведение и мнения достаточно важны для всех. Вместе с тем подобные сообщения опираются на известный приём пропаганды, когда информационно-психологическое воздействие осуществляется «устаами» значимых других, авторитетных людей («лидеров мнения»). Соответственно, такие сюжеты на форумах призваны демонстрировать, что решения стать «живой бомбой» принимаются обычными людьми, «такими, как мы», молодыми, активными и деятельными, имеющими в чём-то сходный жизненный опыт, социальные взгляды и предпочтения.

Данные сюжеты также можно рассмотреть как нарратив, характеризующийся наличием главных и второстепенных действующих лиц, «героев» и «злодеев», последовательно развивающегося действия, которое имеет начало, середину, конец, маркированные драматические повороты в сюжете. При этом в структуре нарративов доминируют следующие компоненты: обращение к эмоциональному опыту (повествование содержит явные ссылки на внутренние состояния, прежде всего, описание эмоционального опыта); рефлексивность (повествование интегрирует внутренние состояния и отражает, хотя бы частично, согласованный смысл психических состояний и переживаемых эмоций). Основная технология информационно-психологического воздействия — эмоциональный резонанс, который в данном случае является способом создания у широкой аудитории определенного настроения с одновременной передачей значимой социальной информации. Это осуществляется посредством социальной индукции, основанной на психологическом заражении как бессознательной, спонтанной формой

включения личности в определенные психические состояния. Заметим, что, на наш взгляд, во многом именно вследствие такой пропаганды, смертниками становятся представители разных социальных групп. Эффективность подобных пропагандистских воздействий также иллюстрирует и пример из журнала, издаваемого «Аль-Каидой», где подробно описываются биографии шахидов и приводится интервью одного из смертников, который опровергает то, что молодые люди становятся смертниками в результате депрессии и бедности: «Я понимаю, что означает операция самопожертвования. Я студент из состоятельной семьи. У меня нет проблем с психикой и т.д. Я могу закончить обучение и стать врачом»²⁵.

Итак, очевидно, что современные технологии манипулирования сознанием способны разрушить в человеке знание, полученное из реального исторического опыта, заменить его искусственно сконструированным «режиссёром» знанием. Отметим, что под «конструированием» понимается приведение в систему информации о мире, организация этой информации в связные структуры с целью постижения ее смысла²⁶. Искусственно сформированная картина исторической действительности, передаётся экстремистами отдельным индивидам посредством Интернет-коммуникации с помощью книг, лекций, тематических видеосюжетов, кинофильмов и т.д. Таким образом, строится иллюзорный мир, который воспринимается как настоящий. В результате всю окружающую действительность человек может воспринимать как неприятный сон, а ту идеологию, которую ему внушает пропаганда, введя его в транс, воспринимает как реальность. В воображении зрителя генерируется иллюзорная картина мира в идеализированном виде. В соответствии с авторским замыслом тематические видеосюжеты могут произвольно создавать у зрителей ощущение «справедливости» и моральной правоты тех или иных персонажей, независимо от их действительной роли в истории. В этой связи подчеркнём, что средства массовой коммуникации относятся к дискурсивным системам и участвуют в производстве и воспроизводстве типизированных значений. Дискурс понимается как специфическая версия событий, выраженная в повествованиях, утверждениях, диалогах²⁷. Причём любой

²³ Нечитайло Д.А. Современный радикальный экстремизм: стратегия и тактика / отв. ред. В.Л. Шульц; Центр исследований проблем безопасности РАН. М., 2011. 431 с.

²⁴ Там же.

²⁵ Нечитайло Д.А. Современный радикальный экстремизм: стратегия и тактика / отв. ред. В.Л. Шульц; Центр исследований проблем безопасности РАН. М., 2011. 431 с.

²⁶ Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 2004. С. 12.

²⁷ Чернов А.Ю. Качественный подход в психологическом исследовании. Волгоград, 2008. С. 140.

объект, событие или человек может быть помещен в различные дискурсы и, таким образом, по-разному репрезентирован. Очевидно, что экстремисты целенаправленно формируют и развивают дискурс, в котором кровавые акции позиционируются как подвиги «шахидов», как способ получить социальное признание и самореализоваться посредством деструктивных действий, служащих благородной идеи достижения социальной справедливости. При этом широко используются пропагандистские и манипулятивные приёмы в целях оказания информационно-психологического воздействия, заключающегося в изменении или укреплении взглядов, мнений, отношений и других психологических явлений. Важно отметить, что образование также рассматривается как массовая коммуникация, в процессе которой происходит информационно-психологическое воздействие на личность, направленное на формирование жизненных ценностей, взглядов и убеждений, моделей социального мышления и поведения. В этом плане известны, например, виртуальные «университеты джихада»²⁸.

Соответственно, морально-психологическая готовность к совершению террористических действий является необходимым, но не единственным условием совершения «суицидального» теракта, так как человеку нужно преодолеть страх смерти. С точки зрения Э. Фромма страх смерти, возможно преодолеть, если не рассматривать своё тело и своё «я» как свою собственность, которую боишься потерять. При этом к страху потери тела он добавляет ещё один момент — это необходимость преодоления собственной самости, выступающей условием избавления от смертного страха²⁹. В силу этого палестинскими радикальными исламистскими группировками, в частности, «Джихад Ислами» и «ХАМАС» используются следующие методы психологической подготовки будущих «шахидов». Первое, это особый религиозный ритуал: доброволец исполняет серию актов, символизирующих уход из земной и вхождения в «святую сферу», из которой он не выйдет до момента исполнения своей миссии. В этой атмосфере сознание террориста впитывает религиозные, идеологические, политические и военные установки. Будничные проблемы отодвигаются на задний план, уменьшается значимость жизни на Земле перед лицом самой важной миссии. Этот процесс, по сути, есть введение в состояние религиозного экстаза.

Наряду с этим существует также церемония — фиктивные похороны ночью — один из очень сильно воздействующих на психику человека факторов. В процессе таких «похорон» добровольцу читают отрывки из Корана до того момента, когда он отплывает к воротам Рая. Второй момент такой подготовки — это обещание вознаграждения от Аллаха и мусульманской уммы. В личном плане добровольцу и его потомкам обещается социально-религиозный престиж (станет вторым или третьим после Аллаха и Пророков), чего он никогда бы не смог достичь каким-либо другим путём. Ему обещают вечную жизнь «в садах Эдема», вместо земных проблем. Ему внушают, что его смерть, похороны и уход от любимых и близких будут безболезненны. Ему обещают, что его жертва пойдёт на пользу «большой семье» и гарантируют ей существенную помощь со стороны мусульманского сообщества³⁰.

Заметим, что организация подобных воздействий возможна посредством вовлечения в компьютерную реальность. Например, «Хезболла» выпустила компьютерную игру, которую Центральный Интернет-отдел разрабатывал два года³¹. Заметим, что согласно концепции игроизации происходит внедрение принципов игры, эвристических элементов в практические жизненные стратегии. В то же время игроизацию можно считать одной из форм отчуждения, поскольку «игроизированный индивид...питает иллюзию, будто делает то, что он хочет, в действительности им движут страсти, иррациональные силы, отделённые от сознательного «Я»³².

В контексте проблематики развития морально-психологической готовности к самопожертвованию интерес представляет сущность восточного понимания роли индивидуального сознания, ярко отражённая в дзен-буддистском трактате «О непоколебимом духе — разуме»³³. В нем утверждается, что высшее боевое мастерство заключается в умении достигать состояния измененного сознания, называемое японски — «муссин» — «отсутствие разума». Такое состояние означает выход за пределы оппозиции: «бытие — небытие», ««Я» — «не-Я»», «добро — зло». Инструкторы, занимающиеся подготовкой смертников, нередко используют эти принципы и рекомендации авторитетных в среде религиозных

²⁸ Нечитайло Д.А. Современный радикальный экстремизм: стратегия и тактика / отв. ред. В.Л. Шульц; Центр исследований проблем безопасности РАН. М., 2011. 431 с.

²⁹ Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. М., 1989. 224 с.

³⁰ Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России / под ред. А.В. Малашенко. Ростов-н/Д, 2005. 304 с.

³¹ Там же.

³² Ярёмченко С.Н. Неоконченные дискурсы жизненных смыслов. Ростов н/Д, 2007. 160 с.

³³ Судзуки Д.Т. Дзен буддизм в японской культуре. СПб, 2004. 227 с.

экстремистов деятелей, в частности, одного из лидеров «Хезболлы» шейха Аль-Харба. «Ты начнешь жить только тогда, — натаскивал он будущего смертника, — когда убьешь свое «я». «Я» — это замаскированный сатана. Убить его, и ты будешь спасен. Мусульманин счастлив потому, что он может полностью уничтожить свое «я». С психоаналитической точки зрения, считает Л.А. Китаев-Смык, достигается следующий эффект — «Я» ничто не сдерживает, оно освобождено от любого давления³⁴.

С точки зрения современной психологии состояние «муссин» — это уровень наглядно-действенного мышления (или мышления растворенного в действии), когда человек становится автоматом относительно его собственного мышления. В определенном смысле состояние «муссин» соответствует понятию бессознательного³⁵. Согласно древневосточным трактатам, посвященным боевому мастерству, состояние «муссин» достигается путем медитации. В первой её фазе, предшествующей поединку, достигается изменение состояния сознания за счет сосредоточения его на каком-либо одном объекте («одноточечное сознание») при полной мышечной релаксации. Физиологически это приводит к торможению коры головного мозга с сохранением очага возбуждения. В следующей фазе медитации достигается «пустотность сознания» — состояние бессмыслия или в терминах современной психологии — «остановка внутреннего монолога», когда объект одноточечного сознания исчезает из поля рефлексии. В результате этого, остается задействован только неререфлективный слой сознания. Боец ни выделяет ни себя, ни противника, ни ситуации. Поединок почти целиком строится на технических действиях. Они не требуют контроля сознания, так как производятся автоматически. Вхождение в медитативное состояние осуществляется ещё до поединка. Самогипнозу перед схваткой способствует также выполнение предварительного ритуала, играющего роль своеобразного ключа для запуска процесса торможения в коре головного мозга³⁶. Очевидно, что данные приемы не утратили своей актуальности и широко применяются сегодня экстремистскими деятелями. Современные исследователи полагают, что у смертника, трансформирована личность, он совершает теракт в измененном состоянии сознания, которое Л.А. Китаев-Смык охарактеризовал как

предсмертный транс. Его специфическими чертами является чувство приятнейшего экстаза, вызванного полным освобождением от давления социальных и нравственных норм, самореализацией внутреннего потенциала путем уничтожения врагов. Идущий на смерть испытывает радость бытия в каждой секунде, так как в эти секунды он воплощает задание, открывающее дорогу в рай³⁷.

В этой связи следует отметить, что с точки зрения стойков, страх — это ожидание зла³⁸. Следовательно, преодоление страха можно рассматривать и как изменение устрашающих ожиданий. Интересно, что авторитетный отечественный исламовед А.А. Игнатенко так описывает практиковавшуюся в раннем средневековье подготовку к террористическому акту потенциального исмаилитского (низаритского) шахида: «Вот такой хитростью пользовался глава исмаилитов. Когда он хотел отправить кого-то для убийства противника, то давал этому человеку выпить вина, смешанного с беленой. Человек становился смертельно пьяным, и его переносили в особый сад, где было всё лучшее из того, что создал Аллах. Там прохаживались служанки и юные рабы удивительной красоты, звучали самые мелодичные в мире музыкальные инструменты. Там подавались блюда — такие вкусные и восхитительные, какие только можно вообразить. Придя в себя после опьянения, человек удивлялся и спрашивал: «Где это я?!» Служанки ему отвечали: «Ты в раю. Твой владыка прислал тебя к нам. Мы — гурии, а ты — эфебы...». Потом они обслуживали его наилучшим образом и оказывали ему великие почести. Он оставался в этом месте целую неделю, пил, наслаждался жизнью в своё удовольствие. Потом служанки поили его вином с беленой, и он впал в сон. Его переносили домой. Когда он просыпался, то находил рядом свою жену. Тогда он отправлялся к владыке и просил вернуть его в рай. Тот говорил: «Убей такого-то. Если тебя после этого казнят, ты отправишься в то место, которое видел. Если вернёшься невредимым, я сам тебя туда отправлю. Невежественный человек крепко верил в правдивость слов своего хозяина и слепо шёл на гибельное дело»³⁹.

Очевидно, что этот психологический приём применяется и сегодня вероятно с некоторыми модификациями и использованием возможностей виртуальной реальности. Об этом свидетельствуют материалы,

³⁴ Китаев-Смык Л.А. Побеждающие, побежденные // Солдат удачи. 1995. № 12. С. 81.

³⁵ Психология экстремальных ситуаций: Хрестоматия / Сост. А.Е. Тарас, К.В. Сельченко. Минск, 2000. 480 с.

³⁶ Там же.

³⁷ Китаев-Смык Л.А. Побеждающие, побежденные // Солдат удачи. 1995. № 12. С. 81.

³⁸ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 303.

³⁹ Рай исмаилитов / пер с арабского А. Игнатенко // Отечественные записки. 2003. № 5. С. 116.

публикуемые в журнале, издаваемом «Аль-Каидой». Данное издание призвано решать задачи продвижения террористических идей, в том числе и внушать идеи «суицидального» террора. В журнале подробно описываются биографии смертников, и часто рассказывается о снах будущих «шихидов», где они, например, видят реку, которая «впадает в пещеру», над которой написано: «В рай!». Они по ней плывут и видят за тем прекрасных дев и своих друзей, погибших ранее, подорвавших себя, которые зовут их за собой⁴⁰.

Таким образом, очевидно, что в целях манипулирования сознанием экстремисты используют приёмы политической лингвистики и дискурсивное оружие. При этом они ориентируются на социальные ожидания молодёжи и их потребность в самореализации, социальном признании и достижениях. Вместе с тем радикальные деятели, порицая гедонистические ценности современного общества, привлекают молодых людей, обещая райское наслаждение и, рисуя его вполне конкретные и понятные любому обывателю очертания: цветущие сады, прекрасных девственниц-Гурий и пьянящий восторг, сопровождающий пребывание в райских куцах. Соответственно в современных условиях необходима оптимизация системы информационно-психологического противодействия терроризму. В частности, развитие педагогической журналистики как одного из приоритетных направлений воздействия на общественное мнение и индивидуальное сознание в целях формирования анти-террористических ценностей в российском обществе. Это во многом обусловлено тем, что педагогическая журналистика призвана формировать социальные ценности, убеждения и воздействовать на мотивационную сферу личности⁴¹.

В этой связи необходимо активное привлечение к сотрудничеству религиозных деятелей и священнослужителей, в том числе и имамов. Имамом соборных ме-

четей признаются богословы, получившие специальное образование и пользующиеся авторитетом у верующих. Заметим, что ислам выполняет роль социального и культурного регулятора жизни мусульман⁴². Поэтому в современных условиях нужен открытый диалог с общественностью и просвещение населения относительно основ ислама как одной из самых толерантных религий, согласно заявлениям правоверных мусульман. Вместе с тем просветительскую работу священнослужителям в условиях информационного общества необходимо вести при тесном взаимодействии со средствами массовой коммуникации, конкретно и однозначно обозначая свою позицию, и открыто комментируя дискуссионные вопросы. Наряду с этим необходимо использовать возможности образования как массовой коммуникации в целях развития культурных компетенций молодёжи и повышения религиозной грамотности в рамках системы светского образования. Вместе с тем требуется развитие системы исламского религиозного образования, исходя из актуальных общественных потребностей. Исламовед Р.Ф. Патеев в ходе нашей беседы высказал следующее мнение относительно данного вопроса: «Российское исламоведение пока еще находится на достаточно высоком уровне. У нас есть мощные академические центры, в первую очередь, в Москве и Санкт-Петербурге. Неплохо развивается исследования ислама в Казани. Есть множество местных авторов, в том числе, на Северном Кавказе. Однако в последнее время, проявляется одна проблема. В основном исследования носят теоретический, концептуальный характер. Каким образом развивается ситуация в конкретных общинах на местах, наши исламоведы знают не всегда. То есть нужны конкретные прикладные исследования на локальном уровне. И, вместе с тем, хотелось бы, чтобы представители мусульманских общин были более открыты для ученых из академической среды и больше доверяли светскому научному сообществу».

Список литературы:

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 2004.
2. Грачёв Г.В. Информационно-психологическая безопасность личности. М., 2006.
3. Дацишина М.В. Идеологическая мобилизация молодёжи: опыт нацистской Германии // Вестник высшей школы. 2011. № 5. С. 81-96.
4. Денисович Т.Е. Социокультурная миссия педагогической журналистики // Педагогика. 2009. № 7. С. 26-31.
5. Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России / под ред. А.В. Малащенко. Ростов-н/Д, 2005. 304 с.

⁴⁰ Нечитайло Д.А. Современный радикальный экстремизм: стратегия и тактика / отв. ред. В.Л. Шульц; Центр исследований проблем безопасности РАН. М., 2011. 431 с.

⁴¹ Денисович Т.Е. Социокультурная миссия педагогической журналистики // Педагогика. 2009. № 7. С. 26-31.

⁴² Ислам: словарь атеиста / Под ред. М.Б. Пиотровского. М., 1988. С. 91.

6. Зайцев А.В. Делиберативная демократия как институциональный диалог власти и гражданского общества // NB: Проблемы общества и политики. 2013. № 5. С. 29-44. (URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_689.html).
7. Кротовская Н.Г. Ранк О. Терапия воли (перевод) // NB: Психология и психотехника. 2012. № 1. С. 196-216. (DOI: 10.7256/2306-0425.2012.1.137. URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_137.html).
8. Кутырев В.А. Идеиные причины современного терроризма в мире и России // NB: Проблемы общества и политики. 2012. № 3. С. 1-33. (DOI: 10.7256/2306-0158.2012.3.303. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_303.html).
9. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003.
10. Мурадян С.В. Институциональные основы борьбы с финансированием терроризма в Европейском союзе // NB: Российское полицейское право. 2013. № 2. С. 77-90. (URL: http://www.e-notabene.ru/pm/article_800.html).
11. Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М., 2002.
12. Нечитайло Д.А. Современный радикальный экстремизм: стратегия и тактика / Оотв. ред. В.Л. Шульц; Центр исследований проблем безопасности РАН. М., 2011. 431 с.
13. Попов Е.А., Максимова С.Г. Современное гражданское общество в России: проблемы становления и регионального развития // NB: Проблемы общества и политики. 2012. № 1. С. 1-20. (DOI: 10.7256/2306-0158.2012.1.38. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_38.html).
14. Психология экстремальных ситуаций: Хрестоматия / Сост. А.Е. Тарас, К.В. Сельченко. Минск, 2000. 480 с.
15. Розин В.М. К пониманию оснований общественно-политического дискурса // NB: Философские исследования. 2013. № 4. С. 30-52. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_380.html).
16. Седых Н.С. К вопросу о психологических последствиях терроризма // NB: Психология и психотехника. 2013. № 1. С. 101-130. (URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_229.html).
17. Седых Н.С. Психолого-политические особенности терроризма в условиях общества риска // NB: Проблемы общества и политики. 2013. № 3. С. 104-137. (URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_525.html).
18. Седых Н.С. Социально-психологические особенности вовлечения молодёжи в террористическую деятельность // Национальная безопасность. 2013. № 3 (26). С. 471-481. (DOI: 10.7256/2073-8560.2013.3.7956).
19. Седых Н.С. Терроризм в контексте информационно-психологических угроз современности // NB: Национальная безопасность. 2012. № 1. С. 182-212. (DOI: 10.7256/2306-0417.2012.1.163. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_163.html).
20. Седых Н.С. Террористические угрозы и глобальные риски современности: психолого-политический анализ // NB: Международные отношения. 2012. № 1. С. 44-79. (DOI: 10.7256/2306-4226.2012.1.293. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_293.html).
21. Слезин А.А., Пузырев А.Ю. Военная пропаганда в провинции 1930-х годов как инструмент защиты национальной безопасности СССР // NB: Национальная безопасность. 2012. № 2. С. 153-187. (DOI: 10.7256/2306-0417.2012.2.264. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_264.html).
22. Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология, проблемы, организация, практика, профилактика и противодействие / Рук. Авт. колл. А.-Н.З. Дибиров, Г.К. Сафаралиев. Махачкала, 2009. 640 с.
23. Сукиасян С.Г. Иллюзии и реальность современной цивилизации: уроки терроризма // NB: Психология и психотехника. 2013. № 3. С. 40-163. (URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_298.html).
24. Токарчук Р.Е. Общественная опасность как общий принцип уголовного права и уголовной ответственности // NB: Вопросы права и политики. 2012. № 1. С. 126-142. (DOI: 10.7256/2305-9699.2012.1.51. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_51.html).
25. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2004.
26. Чернов А.Ю. Качественный подход в психологическом исследовании. Волгоград, 2008.
27. Esposito J.L. The Islamic Threat. N.Y.; Oxford, 1992.

References (transliteration):

1. Andreeva G.M. Psihologiya social'nogo poznaniya. M., 2004.
2. Grachev G.V. Informacionno-psihologicheskaya bezopasnost' lichnosti. M., 2006.

3. Dacishina M.V. Ideologicheskaya mobilizatsiya molodezhi: opyt nacistской Germanii // Vestnik vysshey shkoly. 2011. № 5. S. 81-96.
4. Denisovich T.E. Sociokul'turnaya missiya pedagogicheskoy zhurnalistiki // Pedagogika. 2009. № 7. S. 26-31.
5. Dobaev I.P., Nemchina V.I. Novyy terrorizm v mire i na Yuge Rossii / Pod red. A.V. Malashenko. Rostov-na-Donu, 2005. 304 s.
6. Zaycev A.V. Deliberativnaya demokratiya kak institucional'nyy dialog vlasti i grazhdanskogo obschestva // NB: Problemy obschestva i politiki. 2013. № 5. С. 29-44. (URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_689.html).
7. Krotovskaya N.G. Rank O. Terapiya voli (perevod) // NB: Psihologiya i psihotekhnika. 2012. № 1. С. 196-216. (DOI: 10.7256/2306-0425.2012.1.137. URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_137.html).
8. Kutyrev V.A. Ideynye prichiny sovremennogo terrorizma v mire i Rossii // NB: Problemy obschestva i politiki. 2012. № 3. С. 1-33. (DOI: 10.7256/2306-0158.2012.3.303. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_303.html).
9. Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa. M., 2003.
10. Muradyan S.V. Institucional'nye osnovy bor'by s finansirovaniem terrorizma v Evropeyskom soyuze // NB: Rossiyskoe policeyskoe pravo. 2013. № 2. С. 77-90. (URL: http://www.e-notabene.ru/pm/article_800.html).
11. Nazarov M.M. Massovaya kommunikatsiya v sovremennom mire: metodologiya analiza i praktika issledovaniy. M., 2002.
12. Nechitaylo D.A. Sovremennyy radikal'nyy ekstremizm: strategiya i taktika / otv. red. V.L. Shul'c; Centr issledovaniy problem bezopasnosti RAN. M., 2011. 431 s.
13. Popov E.A., Maksimova S.G. Sovremennoe grazhdanskoe obschestvo v Rossii: problemy stanovleniya i regional'nogo razvitiya // NB: Problemy obschestva i politiki. 2012. № 1. С. 1-20. (DOI: 10.7256/2306-0158.2012.1.38. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_38.html).
14. Psihologiya ekstremal'nykh situatsiy: Hrestomatiya / Sost. A.E. Taras, K.V. Sel'chenok. Minsk, 2000. 480 s.
15. Rozin V.M. K ponimaniyu osnovaniy obschestvenno-politicheskogo diskursa // NB: Filosofskie issledovaniya. 2013. № 4. С. 30-52. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_380.html).
16. Sedyh N.S. K voprosu o psihologicheskikh posledstviyakh terrorizma // NB: Psihologiya i psihotekhnika. 2013. № 1. С. 101-130. (URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_229.html).
17. Sedyh N.S. Psihologo-politicheskie osobennosti terrorizma v usloviyakh obschestva riska // NB: Problemy obschestva i politiki. 2013. № 3. С. 104-137. (URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_525.html).
18. Sedyh N.S. Social'no-psihologicheskoe osobennosti вовлечения molodezhi v terroristicheskuyu deyatelnost' // Nacional'naya bezopasnost'. 2013. № 3 (26). S. 471-481. (DOI: 10.7256/2073-8560.2013.3.7956).
19. Sedyh N.S. Terrorizm v kontekste informatsionno-psihologicheskikh ugroz sovremennosti // NB: Nacional'naya bezopasnost'. 2012. № 1. С. 182-212. (DOI: 10.7256/2306-0417.2012.1.163. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_163.html).
20. Sedyh N.S. Terroristicheskie ugrozy i global'nye riski sovremennosti: psihologo-politicheskiy analiz // NB: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2012. № 1. С. 44-79. (DOI: 10.7256/2306-4226.2012.1.293. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_293.html).
21. Slezin A.A., Puzyrev A.Yu. Voennaya propaganda v provincii 1930-h godov kak instrument zaschity nacional'noy bezopasnosti SSSR // NB: Nacional'naya bezopasnost'. 2012. № 2. С. 153-187. (DOI: 10.7256/2306-0417.2012.2.264. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_264.html).
22. Sovremennyy politicheskiy ekstremizm: ponyatie, istoki, prichiny, ideologiya, problemy, organizatsiya, praktika, profilaktika i protivodeystvie / Ruk. Avt. koll. A.-N.Z. Dibirov, G.K. Safaraliev. Mahachkala, 2009. 640 s.
23. Sukiasyan S.G. Ilyuzii i real'nost' sovremennoy civilizatsii: uroki terrorizma // NB: Psihologiya i psihotekhnika. 2013. № 3. С. 40-163. (URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_298.html).
24. Tokarchuk R.E. Obschestvennaya opasnost' kak obschiy princip ugovolnogo prava i ugovolnoy otvetstvennosti // NB: Voprosy prava i politiki. 2012. № 1. S. 126-142. (DOI: 10.7256/2305-9699.2012.1.51. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_51.html).
25. Toffler E. Metamorfozy vlasti. M., 2004.
26. Chernov A.Yu. Kachestvennyy podhod v psihologicheskoy issledovaniy. Volgograd, 2008.